

1802

Виктор Гюго

1952

Вместе с нами

Когда свыше тридцати лет назад приступили к созданию Латвийского Художественного театра, на нашем пути было немало препятствий. Тогда в Риге, да и во всей Прибалтике чувствовали себя, как дома, западноевропейские и американские спекулянты, агенты Сити и Уолл-стрит. Они и были подлинными хозяевами в Латвийской буржуазной республике. Эти представители американско-европейской «цивилизации» старались навязать нам импорт своей псевдокультуры, а наши правительственные учреждения прилагали все усилия, чтобы популяризировать растленное искусство западной буржуазии.

Но нас не соблазнили ни рафинированные произведения английских и американских уголовных сочинений, ни немощная и французская порнография. Наме внимательно было устроено к величавым образам лучших сынов этих народов — великих писателей, которые никогда не служили интересам денежного мешка аристократии или буржуазии, а провозглашали идеи прогресса, мира, дружбы народов, гуманизма. И в первую очередь мы остановили наши взоры на бесмертных трагедиях и комедиях великого английского революционного писателя Шекспира, на произведениях немецкого писателя Гёте, на сдвигшихся сатирах великого американца Марка Твена. Мы сохранили французскую литературу мы взяли, поняли, не мезаморду и водовил, состязанные ловкими ремесленниками, а произведения Виктора Гюго — подлинного рыцаря французской литературы, благородного глашатая лучших идеалов человечества.

Социальные противоречия, пороки буржуазного строя, эксплуатация масс — все, о чем с таким негодованием рассказывал Гюго, полностью переключилось с теми общественно-социальными явлениями, которые встречались в нашей тогдашней жизни на каждом шагу.

Когда на сцене Художественного театра в «Отверженных» раскрылись страдания Жана Вальжана и Фантин, атмосфера окружающего его обмана, лицемерия, гнета и преследований, многие зрители, сказав кулаки, думали о своей судьбе, так удивительно схожей с происходящим на сцене. Когда зрители следили за поведением «стража закона» негодяя Жавера, у них росла ненависть к таким же жаверам из рижской охранки, попирающим человеческие права. Созданные на сцене образы персонажей произведений Виктора Гюго были для тогдашнего нашего зрителя необыкновенно актуальными и действенными.

Так же воспринимались спектакли «Собор Парижской Богоматери» и «Эрнани» в Художественном театре, «Человек, который смеется» в Рижском рабочем театре и, наконец, шедшие в Театре оперы и балета оперы «Риголетто», «Эрнани», балет «Фемальра», написанные на сюжеты произведений Гюго.

Изменились времена! Сегодня наши актеры, которые когда-то, изображая героев Гюго, могли лишь впоодаль высказывать свое возмущение против буржуазного строя, вместе со всем народом познали радость свободного творчества. Безвозвратно ушла в прошлое гнет, нужда, беспредел. Возник вопрос: не потеряли ли своего значения сегодня для нас произведения Гюго? На это следует ответить: нет, не потеряли!

Да, наша жизнь изменилась в корне, неудержимый поток времени уносит в небытие последние обломки прошлого, но есть еще силы за рубежом, которые жаждут восстановить

наша страна, в других странах, ставших на путь социализма. Любопытно, готовят наши враги новую войну. Они не жалуют средств на погоню вооруженных, на подготовку шпионов и диверсантов из числа изменников и продамцев. Люди доброй воли на всем земном шаре ведут активную борьбу за мир, осуждают священный заговор мира, которые крепко держат в своих руках великий Сталин.

Литературное наследие Виктора Гюго является нашим ценным союзником в этой борьбе против империалистической войны.

Освободительная борьба греков против турецких поработителей в первом десятилетии прошлого века, изображенная великим писателем, переключается сегодня с борьбой героических народов Кореи, Вьетнама, Малайи против американских угнетателей и их сателлитов. Нарисованный Виктором Гюго полицейский шпион Жавер кажется кровным братом тех, кто сегодня в США и в зависимых от них странах преследует и бросает в тюрьмы борцов за мир. Разница лишь в том, что нынешние жаверы американского гестапо еще изощреннее и страшнее в своей жестокости. А разве лицемерный «слуга всевышнего» Клод Фролло не носит в себе поразительного сходства с теми святошами, которые во главе с ватиканским «наместником бога на земле» поют за доллары осанну атомной бомбе и преследуют сторонников мира!

Свои бесмертные страницы, пылающие ненавистью к поработителям человеческой личности и вместе с тем пронизанные солнечными надеждами на будущее, Гюго писал в долгие годы эмиграции, когда он покаялся возвратиться лишь в свободную Францию. И он вернулся туда после падения императора, видел славы дни Парижской Коммуны, а потом стал свидетелем основания буржуазной республики, на которую он возлагал столько надежд и в которой пережил горькое разочарование. Но и это не сломило писателя, не затуманило его веры в счастливое будущее народа.

И здесь приходит на память величайший поэт латвийского народа Райнис, чья судьба была очень схожа с судьбой Гюго. Во время нашествия Райнис был вынужден эмигрировать и затем вернулся в буржуазную Латвию. Райниса, как и Гюго, народ встречал грандиозными манифестациями. И так же, как и великий французский поэт, он очень скоро горько разочаровался в буржуазном строе и остался верен своим высоким идеалам.

Произведения революционной романтики произведений Гюго являются дорогим наследием для всего прогрессивного человечества.

В нашей свободной стране творчество великого французского писателя воспринимается как знак того, что духовная культура человечества — с нами, с теми, кто оставляет дело мира, с теми, кто борется за счастье человека на земле. И мы повторим сегодня вместе с замечательным соотечественником и преемником Гюго — поэтом коммунистом Луи Арагоном:

«Голос Виктора Гюго... становится грозой, когда он сливается с направлением великой человеческой бури, когда он возмущается в груди миллионов масс, где утихают превращения в жизнь, где мысль и слово становятся силой и действием!»

Эдуар СМИЛГИС,
народный артист СССР.
РИГА.

Будущее принадлежит жизни

Две великие культурные годовщины, которые отмечает в эти дни передовое человечество, — 150-летие со дня рождения великого французского писателя Виктора Гюго и столетие со дня смерти нашего гениального соотечественника Николая Васильевича Гоголя — неразрывно связаны между собой в нашем сознании.

«У народов есть, общее достояние, — каким являются великие произведения науки, литературы и искусства, сохранившие в течение веков отпечаток гения, — говорится в обращении к народам мира председателя Всемирного Совета Мира Фредерика Жолио-Кюри от 19 февраля 1952 г. — Это культурное наследие является для человечества неиссякаемым источником. Оно позволяет людям различных эпох узнавать друг друга, узнавать в настоящем связывающую их нить. Оно открывает перед ними перспективы всеобщего согласия и понимания».

Широко, всенародно, как большой культурный праздник, отмечаем мы знаменательную дату — 150-летие со дня рождения Виктора Гюго. Это не только дань признания и уважения нашему одному из великих писателей прошлого, это знак нашей преданности делу защиты культуры и решимости отстоять мир и прогресс.

Произведения Гюго вошли в жизнь каждого из нас как неотъемлемая часть нашего духовного бытия, стремления к правде и красоте.

Для нас, русских артистов, с именем Гюго связана одна из ярких страниц нашего сценического искусства — страница, которую открыли своим вдохновенным творчеством Ермолова и Ленский, Южин и Горюх. Знаменательно, что за исполнение «Эрнани» и ряд других ролей Ермолова и Южин получили почетные дипломы от Парижской академии и знаменитых почетных академиков изящных искусств. Драм Гюго органически вошли в ту героико-романтическую струю, которая всегда так сильно была в искусстве Малого театра. Образы этих драм — образы, проникнутые высоким гражданским пафосом, пафосом утверждения добра и справедливости, — не случайно находили в передовых русских актерах своих блестящих исполнителей. Глубоко родственными были они нашим актерам, вышедшим в театре высокую общественную трибуну, стремившимся активно воздействовать на умы и сердца современников. Ныне традиции сценического воплощения драм Гюго на сцене Малого театра нашли свое продолжение в современной работе театра — спектакле «Рюи Блаз».

В декабре 1869 года Виктор Гюго писал одному из своих почитателей и переводчиков в России:

«Я счастлив, что моя мысль проникает и в ваш прекрасный, великодушный народ. В настоящее время я

весь поглощен идеей братства. Мне радостно чувствовать себя поощренным такой мыслью, как ваша, и это чувство возмущает мои труды».

Когда мы видим сегодня на подкафе библиотеки многочисленные советские издания Гюго, когда читаем на театральных афишах названия его произведений, когда констатируем, что только в Москве инсценировка «Отверженных» идет в двух театрах, а

веса, в камерах, на каторге, в казематах?.. Закон, разум, право, свобода, честь».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

«О чем мечтают короли? О войне. О чем мечтают народы? О мире. Народы любят друг друга и объединяются. Королям, обдумывающим и подготавливающим ужасные события, народы противопоставляют великие мирные деяния. Мощный отпор!».

Пламенное слово

Когда я думаю о том, как близко свободное творчество Виктора Гюго традициям передового русского искусства, в памяти встает эпоха девятидесятых годов — Малый театр, постановки драм «Эрнани» и «Рюи Блаз», образы великих русских артистов, блестящих в этих драмах, взволнованные лица демократической молодежи, заполнявшей галерею театра.

Строжайшее око цензуры с усиленным вниманием наблюдало в ту пору за искусством. Но, несмотря на это, во многих спектаклях, во многих книгах можно было рассмотреть две стороны: внешнею, так сказать, «видимую глазу», и внутреннюю, не всем доступную, но понятную прогрессивным кругам общества и особенно популярную чуткой ко всему новому молодежи. Читатель, зритель той эпохи хорошо был знаком с тем, что называлось «возовым языком». За невидимыми с виду словами, за благополучными с точки зрения цензуры фразами он научился видеть иные слова, иные мысли, научился делать из них свои выводы. Постановки драм Гюго в Малом театре могли служить ярким тому примером.

Драм Гюго, правдивые в современном ему Франции революционизирующие роль, в России 90-х годов обрели как бы вторую молодость. Все романтическое, что было в произведениях поэта, его призывы к активному действию, к борьбе находили прямую дорогу к сердцу молодежи, охваченной предчувствием близких революционных бурь.

Мне уже не раз приходилось говорить о той прогрессивной роли, которую со временем Шекспира играл Малый театр. Постановкой на своей сцене таких вещей, как «Ревизор», как «Горе от ума», как «Овечьи источники», театр буржуйски умел, буди в зрители чувство гневного протеста против тех «священных мерзостей», которыми была полна повседневная жизнь дореволюционной России.

Такую же роль сыграли и шедшие на сцене Малого театра драмы Гюго «Эрнани» и «Рюи Блаз».

С этими пьесами связаны в памяти имена великих артистов Горева, Ленского и Южина.

Человек большой культуры, А. П. Южин великолепно знал классику как родную, так и иностранную. На первых порах его нередко упрекали в излишней декламационности и пышности торжественно-ритмической речи, но исполняемые им пьесы Гюго требовали именно некоторой риторической приподнятости. Нам, молодежи того времени, навсегда запомнились многие слова великого французского поэта, провозгласившего своим так часто был Южин.

«Я помню ясно, как наши собственные порывы сливались с этими словами возмущения и призывами к свободе, и не в одном молодом сердце пропылалась искра борьбы, когда Южин, например, читал в «Рюи Блазе» слова:

За эти двадцать лет несчастный
Я точно высчитал — несая
И вашей жадности и варварских гнет
Он выжал из себя почти пятьсот
На ваши празднества, на женщины,
И все еще его и грабят и тесят!
Или:
И наш священный долг забить
Для блага общего: найдем же
Везде грабительство, предательство,
разруха...

Так нанесем удар, чтобы народ
спасли,
Снять маски с подлецов и
воровство смести!

«Все это попало не в бровь, а прямо в глаз и вызвало шумные рукоплескания и восторженные крики. Огромное впечатление у зрителей, смотревших другую драму Гюго — «Эрнани», оставила сцена в подземелье перед гробницей Карла. На сцене парит полумгла, в которой различаются арки, пиластры, небольшая бронзовая дверь и над ней лампада, освещающая надпись «Лапидус Магнус». Слабо видна темная фигура Карлоса — Южина, но зато особенно prominently звучит в тишине его голос:

Бега бегут и мысль за ними
мчится,
Растет и ширится, осуществляется.
В тех иль других денных
человека,
Глубокий оставляя след в сердцах.
Властили ее ногами топчут,
Ей, как рабе, стремятся рот
зажать —
Но мысль всегда, везде —
восторжествует!

Эта последняя фраза особенно волновала зрителей, потому что в ней были обещание и надежда...

А. П. Ленский и Ф. П. Горев также играли в этих пьесах. В «Эрнани» Ленский играл старого испанского гранда, непреклонного, непоколебимого. Он в своей черной бархатной одежде, с золотой цепью на груди казался сошедшим с картины Веласкеса. От него ведал благородством, внутренней силой и мощью. В «Рюи Блазе» он исполнил роль дон Педро де База — прокутившегося дворянина, в душе которого народный дух с диким и безумным легкомыслием хранится где-то на дне остатка рыцарской чести. Трудно было представить себе, что эти две роли играл один и тот же артист. Как могучая, грозная река, разливаясь роль де Сильвы; как ослепительный фейерверк, сверкала роль дон Педро де База.

Горев играл в «Эрнани» заглавную роль. Благородный разбойник, фанатически верный своей чести, предостерегающий лучше умереть, чем нарушить свою клятву. Его Эрнани был для зрителя воплощением чести, мужества, красоты. С глубоким волнением передавал Горев романтический пафос Гюго, столь родственный его творческой натуре. Незаглядное впечатление оставил Горев и в роли коварного и жестокого дон Педро де База в «Рюи Блазе». И в этой роли, столь не похожей на первую, замечательный русский артист проявил в сущности художественного замысла писателя.

Большая подубега прошло со времени постановки этих пьес, и вот опять в Малом театре идет «Рюи Блаз», идет при участии прекрасных артистов и с большим успехом. Однако теперешняя молодежь уже несколько иначе слушает слова знаменитых мастеров: она воспринимает их больше в историческом аспекте. Самые высокие надежды великого писателя исполнились не на его родине, а у нас — в стране мирного и вдохновенного труда. Но за пределами нашей страны все еще бушуют темные силы, идет борьба между лагерем войны, лагерем насилия и мрака и защитниками правды, мира и свободы. Случая теперь звучат со сцены свободное слово Гюго, советские люди находят в нем отклик своим мыслям. Великий французский поэт-гуманист — наш союзник в благородной борьбе за мир и прогресс.

Т. ШЕПКИНА-КУПЕРНИК,
заслуженный деятель искусства.

Путь художника - гражданина

Сто пятьдесят лет тому назад в старинном французском городе Безансоне родился писатель, чье имя с любовью и благодарностью прозвучало в эти дни миллионами людей доброй воли, поднявшихся на защиту мира, свободы и демократии; писатель, чья долгая жизнь, наполненная почти целое столетие, была пронизана борьбой за счастье народа; писатель, который, по выражению Горького, стремился над миром подобно урагану, возбуждая в жизни все, что есть прекрасного в душе человека».

Огромный период французской жизни отразился в творчестве Гюго. Писатель родился в годы консульства Наполеона Бонапарта, когда только что отзвучали громовые раскаты первой французской буржуазной революции. Попретком он узнал о разгроме Наполеона в России, о его изгнании и изгнании, о реставрации во Франции старорежимной монархии Бурбонов. Под влиянием матери, рождившей и католки, он отдал в молодые годы дань монархическим и религиозным настроениям, охватившим широкие круги буржуазной интеллигенции после падения Наполеона.

Эта эстетическая программа послужила Гюго основой для создания серии романтических драм, явившихся значительным шагом вперед в развитии и демократизации французского театра. Гюго обращается к театру как к единственной во Франции того времени трибуне, с которой можно было говорить с народом, можно было вести борьбу против ненавистной монархии.

Однако революционно настроенному писателю далеко не сразу удалось проникнуть на сцену со своими произведениями. Первая драма Гюго «Кромвель», посвященная вождю английской революции и его борьбе с двумя королями против его власти, естественно, не могла рассчитывать на постановку в годы реакционной власти Бурбонов. Не удалось Гюго поставить и свою вторую драму «Марлон Делор», в которой остро и обнаженно реакционная дворянство и отдал свои симпатии представителям низших, деклассированных слоев. Герой пьесы — человек без рода, без имени, подкидыш Лидье: герония — куртизанка Марлон, тоже поставленная вне общества. Но особенно смелым был здесь образ слабоумного и безвольного короля Людовика XIII, в котором цензура основательно усмотрела выпад против короля Карла X.

Первая пьеса Гюго, проникшая на сцену академического театра Французской Комедии, произошла в этом театре наступившей бурю. Это была драма «Эрнани». Премьера ее состоялась за пять месяцев до Польской революции 1830 года и явилась как бы предвестием на подмостках театра тех событий, которые готовились на политической арене. За столкновениями в зрительном зале театра литературных направлений — стоицизм, новатор-романтизм и ригидно-классицизм ощущалось столкновение в политической жизни Франции буржуазной демократии, догматизирующей свержение монархии Бурбонов, с представителями реакционно-монархического лагеря.

Пьеса Гюго бросала смелый вызов всем принципам драматургии классицизма. Единства были нарушены, действие пьесы свободно перемещалось в пространстве и во времени. Гюго нарушил также установленные принципы «высокого» трагического стиля, вводя в пьесу обильные, «низменные» слова и выражения. Но главным новшеством пьесы было, разумеется, ее содержание, ее социальное-протестующий пафос, смелое призыво-обращение в ней разбойника Эрнани, деклассированного дворянина, лишеного имени и имущества, королю Испании Карлосу, которому Эрнани метит за убийство отца.

В предисловии к «Эрнани», написанном вскоре после премьеры, Гюго писал: «Свобода искусства, свобода общества — вот та двойная цель, к которой должны единственно стремиться все последовательные и логичные мыслители; вот то двойное знамя, под которым объединяется... вся нынешняя молодежь, такая стойкая и терпеливая...». И действительно, молодежь, обеспокоенная в феврале победой романтической драме Гюго в театре, самоотверженно сражалась в июле за политическую свободу. Участие народных масс в Польской революции принесло ей победу. Однако к власти пришли банкиры, финансовые дельцы, а народные массы ничего не получили от завоеванной ими свободы.

Гюго восторженно приветствовал Польскую революцию в «Гимне» и в оде «Молодой Франции». Он все теснее связывал свою судьбу с судьбой народа. Симпатии к народу провозглашает вышупленный вскоре после революции знаменитый роман Гюго «Собор Парижской Богоматери», в котором писатель дает поразительно верные, живые картины парижской жизни пятинадцатого века; с особым сочувствием и теплотой он показывает здесь представителей низов — уличную тапачницу Эмеральду, звоняра Казимиро, нищего босота Зенгуара и в то же время с беспощадной ненавистью изображает пред-

ставителей дворянства и церкви. С ярким темпераментом борда рисует Гюго здесь востание народа против духовенства и королевского суда.

Вскоре после Июльской революции произошло востание лионских ткачей. Не прекращались волнения обманутых в своих надеждах народных масс, изматывавших под тяжестью непосильного труда. Произошло большое рабочее востание в Париже — с баррикадами, уличными боями.

Гюго как чуткий художник откликнулся на эти новые явления социальной жизни Франции. Он был одним из первых писателей, поставивших вопрос о тяжелом положении рабочих, об их нищенском существовании. Писатель-гражданин, он возмущался несправедливостью законов буржуазного государства, из которых одна половина — рутина, другая — шарлатанство».

Тема социальной несправедливости и социального протеста проходит также через романтические драмы Гюго тридцатых годов. Все эти драмы написаны на исторические томы, но Гюго придает им такое актуальное звучание, что они воспринимаются как пьесы из современной жизни. Одна из наиболее смелых среди них — «Король забавляется», в которой Гюго изображает короля человеком глубоко порочным, лишенным советности.

В последующие годы Гюго обращается к разработке нового жанра — романтической мелодрамы. В своих пьесах, написанных прозой, — «Дюкреция Борджа», «Мария Гютор и «Анжелико» — Гюго с прежней беспощадностью рисует коронованных особ, как самовластных, жадных, порочных, как жестоких угнетателей простых людей. Демократическая тема звучит в этих пьесах еще острее, чем в романтических трагедиях, ибо Гюго пишет теперь своих положительных героев все ниже и ниже по социальной лестнице.

Пьеса «Анжелико» Гюго в течение двух с половиной лет не имеет успеха. Перевы в творчестве писателя, который до того ежегодно выступал с новой пьесой, объясняется контра-

студением правительства Луи Филиппа на усилившийся демократическую оппозицию и вызванную этим значительную перегруппировку сил на литературном фронте. Часть писателей еще решительно связала свою судьбу с лагерем революции, другая часть, напротив, пошла на соглашение с буржуазной реакцией.

Значительные колебания испытал в это время и Гюго. Его политическое «справление» отразилось в драме «Рюи Блаз», одной из популярнейших, наиболее часто играемых пьес Гюго.

Драма эта глубоко противоречива. С одной стороны, она насыщена огромным обличительным содержанием. Лакей, оказавший волею случая на посту первого министра Испания, становится правителем, берущим за дело государства, являющим своим страну и тенью разоблачающим продажных министров как мародеров, расхищающих народное добро. Знаменитый монолог Рюи Блаза в третьем акте: «Так вот министры наши!» принадлежит к лучшим страницам политической поэзии великого французского драматурга.

Однако ни острота конфликта пьесы, ни ее огромный протестующий пафос, ни красота ее поэтического языка не могут искупить наивность и искусственность ее политической концепции, в основу которой положена мысль о союзе монархии с народом через голову порочной, развращенной аристократии.

Итак, активная драматургическая деятельность Гюго закончилась на подступах к революции 1848 года. Революция заставила его навсегда порвать с монархизмом, стать в ряды борцов за республику и защитников демократии. Когда в декабре 1851 года принц Луи Бонапарт, избранный президентом Французской республики, совершил контрреволюционный переворот, Гюго эмигрировал из Франции и из-за рубежа бомбардировал узурпатора, напавшего на себя императорскую корону, гневными памфлетами.

Борьбу против Луи Бонапарта Гюго продолжал в течение всей своей эмиграции, длившейся девятнадцать лет. В эти годы Гюго вырастает в поэта-трибуна, обращающегося к народу всего мира. Его книга стихов «Возмездие» — одна из вершин демократической лирики XIX века. По свидетельству Н. К. Крупской, В. И. Ленин в годы своей второй эмиграции охотно читал эти стихи Гюго, проникнутые революционно-версальскими настроениями.

В годы изгнания Гюго выступает против реакционеров и властей всех стран и народов. Он защищает итальянского народного героя Гарибальди, защищает Джона Брауна, вождя восточных негров Виргинии, американского священника, борющегося в защиту жителей Крита, поднявших востание против турков, и в защиту патриотов Кубы, борющихся против Испании. Он разоблачает европейских колониалогов, пыткавших порабощенный Китай. Он завязывает дружбу с великим русским революционером Герценом, сотрудничает в его «Колоде». «Мой доблестный брат по борьбе и испытаниям», — называет Герцена Гюго.

Активная общественно-политическая деятельность Гюго в годы изгнания сочетается с огромной творческой работой. В эти годы написаны его лучшие монументальнейшие произведения: первая часть эпопеи «Легенда веков», романы «Отверженные», «Труженики моря», «Человек, который смеется». Наиболее значительным из этих произведений яв-

ляются, безусловно, «Отверженные», которых Л. Н. Толстой считал «лучшим французским романом».

Воспопалая критика буржуазного общества, страстная защита человека, вера в светлое будущее народа обесценили роману «Отверженные», как и другим социальным романам Гюго, огромный успех у широких масс читающей публики всех стран. Особенно популярна была гуманистический роман «Отверженные» у нас в России. Свою популярность этот роман сохранил до наших дней.

Когда ненавистный поэт строй Второй империи пад после разгрома Французов под Седаном, Гюго возвращается на родину, в осажденный пруссаками Париж. Он писал патристические стихи, призывал народ раздуть пожар партизанской войны. Тема народного героизма посвящена книга Гюго «Грозный год». В ней отражены и колебания поэта, не понимающего Парижской Коммуны. Несмотря на это, после разгрома Коммуны Гюго встал на защиту победивших коммунаров, протестовал против зверств версальских палачей. События Коммуны и размышления о ней отразились также в последнем историческом романе Гюго «93-й год». В центре романа — революционный французский народ, защищающий родину от врагов революции. Гюго показывает, что истинными патриотами своей страны были только революционеры.

Смерть поэта всколыхнула весь Францию. Ветераны Коммуны призывали всех существующих революционеров людей отдать последний долг поэту, мужественно защищавшему коммунаров.

Великий писатель-демократ, страстный поборник мира, свободы и справедливости — таким остался Виктор Гюго в памяти всего передового человечества. Мы, советские люди, любим и высоко ценим свободное творчество Виктора Гюго. Мы верим, что эта великая культурная революция поможет сплоченно прогрессивных людей во всех странах мира.

Профессор С. МОКУЛЬСКИЙ.

